

Эпизод \\[116й]///

ЖУРАВЛИН.

КАРАУЛ.

ТАНЯ.

- >> **Лучше, чем вчера, но хуже, чем будет завтра!**
- >> **Караул**
- >> **Капитан Хотеев** *(продолжение)*
- >> **Курсант Виктор Шинкович**
- >> **Возвращение на базу**

13 августа 1972 г. (воскресенье)

□ — *Как самочувствие?*

□□□□ — *Лучше, чем вчера, но хуже, чем будет завтра!* Из америк. худ. сериала «Доктор Хаус»
<<••>> □ — *Как ваше здоровье?*

□□□□□□ — *Хуже некуда! Если бы мне сказали, что я умер, я бы не удивился!* Из худ. к/ф-ма «Ищите женщину»

— Юр, можно тебя на минуту? — На Вовке Журавлине лица нет. — У меня проблема!

— Какая?

— Идём, покажу!

Мы заходим в пустой умывальник. Вовка расстёгивает штаны и достаёт пенис. Балун у него необычной толщины. Это потому что между крайней плотью и залупой находится марлевый тампон. Журавель осторожно сдвигает кожицу и с гримасой брезгливости на челе за уголок убирает пропитанный кровью и выделениями тампон, который тут же выбрасывается.

О, боже! На это страшно смотреть! Вся головка х*я кровоточит, кусочки эпителия прямо свисают клочьями. Такое впечатление, что член натирали наждачной бумагой.

— Ты что, что-то подхватил? От Оксаны?

— Я не знаю! Тебе вот показываю!

— Но я же не врач! Ты в санчасти был?

— Нет!

— А чего выжидаешь? В таких случаях, чем раньше начнёшь лечение, тем это дешевле потом обойдётся с точки зрения твоего здоровья!

— Если она меня заразила, я её убью!

— И ты сразу от этого выздоровеешь! От меня-то чего ты ждёшь? Сочувствия? Или соумышления в ритуальном убийстве?

— Как ты полагаешь, что это?

— «Это» – заболевший х*й!

— Сам знаю! Заболевший чем, как думаешь?

— Володя, насколько я знаю, это не сифилис!..

— Слава тебе!

— По внешним признакам. Точнее может показать лишь анализ крови из вены на реакцию Вассермана. Так называемые четыре креста, или плюса! — А что такое четыре креста?

— На твоей могиле, едрит твою!

— Но-но-но!

— Ладно! Долго объяснять! Болит?

— Нет! Только зуд!

— Так кровотоцит, можно сказать, почти открытые раны, и не болит? — удивляюсь я.

Ещё успеваю подумать:

«Эх, Диму бы сюда!»

— А при мочеиспускании резь есть?

— Нет.

— И не гонорея! Да и слишком мало времени прошло для проявления этих симптомов! Может, это шанкр – мягкий там, твёрдый! Так они, как правило, культивируются в жарком климате Средней Азии и Ближнего Востока. И вроде начинаются не с залупы, а со ствола. Но в этом ведь я – полный профан!

— Но у тебя ж мать в госпитале работает!

— Так то ж мать, а не я!

— Но ты же что-то знаешь!

— Я знаю только то, что читал сам или нам выкладывали на лекциях. Помнишь, первый курс сразу после поступления? Майор Голубчик рассказывал на Военной Администрации? А! Ты же на год раньше поступал! Но всё равно, кто-то должен был вам всё это тоже рассказывать! Программа-то одна! Слушать надо было внимательно, а не гал считать! Покажись врачу!

Вовка достаёт из кармана пакетик марлевых тампонов, приобретённых в сельской аптеке, и начинает чистым промокать выделения.

— Слушай, мы же с тобой после траха и поссали, и хорошо вымылись!

— В том-то и дело! А у тебя всё нормально?

Я лезу в штаны и не столько демонстрирую Журавлю, сколько осматриваю сам свой половой орган. Оголяю головку, отчего всё в руках стало быстро увеличиваться в размерах и твердеть. Но там всё чисто! Оба одновременно вздыхаем: я с облегчением, Лелека с завистью. И потом с трудом (из-за размеров) упаковываю своё хозяйство.

Впрочем, эрекция у меня быстро пошла на убыль, как только я снова глянул на кровотокающий шишкарь Журавля.

— Ты понимаешь, у меня это уже бывало! Ещё в школе! Но оно проходило!

— Бывало? — удивляюсь я. — Точно так?

— Да.

— А как лечил?

— Да вот...

Он достаёт упаковку таблеток. Я беру, читаю: «Стрептоцид».

— Глотаешь? — смеюсь я.

— Посыпаю! — с серьёзным видом отвечает он. Ему явно не до шуток.

Вовка берёт у меня из рук облатку, достаёт таблетку, заворачивает в кусочек оборванной газетки и авторучкой начинает её давить. Затем этим порошком посыпал свою залупу. И обернул чистым тампоном.

— Я бы всё-таки показался врачу!

— Чтобы он отстранил меня от полётов? Ладно! Я просто хотел услышать от тебя, что это не сифилис и не триппер!

— Ты же сам говоришь, что у тебя было и прошло! Венерические заболевания сами не проходят! Если это не венерическое, то однозначно дерматология. Немытыми руками подрочил! Инфекцию занёс!

— Значит, не венерическое! И это радует! А что ещё можно сделать?

— Показать врачу, обормот!

— А ещё?

— Ну, может быть, попарить в растворе марганцовки...

— О! Точно! Надеюсь, сейчас это останется между нами?

— Сейчас? — загадочно уточняю я. — А лет через десять говорить об этом можно?

— Хоть через двадцать! Но не сейчас!

Журавель снова сбегал в сельскую аптеку и принёс в бутылочке кристаллики марганцовки. Полуизогнутый лоток он стащил в санчасти. С кипячением воды тоже выход нашли: Вовка соорудил электрокипяtilьник из двух лезвий, опущенных в кружку.

— Не вздумай дотронуться до металла, когда вся эта система под напряжением! — на всякий случай советую я.

Ещё не хватает мне потом оказаться на допросах у следака из военной прокуратуры.

— Ясныть!

Затем Журавлин вымыл с мылом и сполоснул кипятком лоток и наливает туда горячую воду, разбавляет холодной.

— Делай так, чтобы не горячая была! Тёпленькая! — консультирую я.

— Ты же сказал: попарить!

— Я не пойму, ты хочешь получить себе ожоги на залупе? Вода должна быть тёплой!..

Тут, видя решимость Вовки сыпануть в подготовленную воду марганцовку, я придерживаю его руку:

— погоди! Сколько ты собираешься сыпать марганцево-кислого калия?

— Ну, треть бутылочки хотя бы!

— Ты чо, обалдел? Сжечь себе всё хочешь?

— А сколько?

— Да на такое количество воды – пару крупинок, не больше! Водичка повинна стать чуть розовой, а не чёрной!

— А чего так мало? Оно ж не поможет!

— Едрит же твою мать! Вот неуч! Чему вас только в школе учили? Даже писюн себе попарить не может! — смеюсь я. Потом серьёзно (ну, чтобы не стал спорить): — Делай, что тебе говорят, если не хочешь натворить делов себе хуже! Дай сюда!

Вовка послушно отдаёт бутылочку. Я, слегка её наклонив, постукиванием пальца выбиваю одну-единственную крупинку. Она, упав в воду, начинает растворяться. Размешал раствор обратной стороной авторучки Журавля. Когда эмульсоид стал розовым, говорю:

— Вперёд! Ныряй!

И Вовка сунул свой заболевший конец в лоток.

— Кайф!

— Смотри, не кончи! Кайф он почувствовал! Тебе сейчас, кстати, спускать нельзя! Ну, чтобы обострения не было!

— Чёрт! А уже хочется! — смеётся Лелека.

— И эти водные процедуры делай через каждые шесть часов! А к врачу когда пойдёшь? Если конец отвалится?

Он смеётся.

Ну, дела!

Вдогонку:

••>> — Руки!.. Мыли?

□□□□□ — Ах, да-да-да-да...

Из худ. к/ф-ма «Операция “Ы” и другие приключения

Шурика»

••>> — Знаешь, что самое важное в жизни? Здоровье! Из америк. худ. сериала «Подпольная империя»

<•>•••<•>>

С субботы на воскресенье я снова с лёгкой руки Хотеева и Галаги попал в наряд под Знамя.

Кто бы знал, как мне эти караулы надоели! Интересно, почему это я не могу по субботам и воскресеньям отдохнуть как все, а вместо кого-то должен идти в наряд или караул? Я же не железный! Я тоже летаю, тоже устаю. Мне тоже хочется отдохнуть!

Но ничего не поделаешь!

Была суббота. Парковый день. До 11 часов работали на аэродроме – скребли и мыли самолёты от расплющившейся о них мошкары. Трошин с какой-то злостью определил мне тщательно вымыть правую стойку шасси нашего 72го борта.

— Пожалуется техник или плохо отнесёшься к работе – отстраню от полётов! Приступай!

От этого тона и угроз настроение сразу испортилось. Казалось, я всего этого не заслужил. Что же случилось?

Сашок принёс мне пол ведра керосина, дал кисточку.

— Чего он так с тобой?

— Не знаю, Саша! Догадываюсь, что меня дерьмом перед ним мажет одна гнида!..

— А кто?

— Есть у нас такая гадина! Рядом с тобой – лучший друг, а за спиной так измажет г*мном...

— Юр, кто?

— Галага!

И я, усевшись на колодку из-под колёс, начал отмывать стойку.

Через час стойка засияла!

Сашок возился в передней нише, по плану инженера что-то там отбортовывал.

— Принимай работу, Лучший техник полка!

Саня подошёл.

— Разрешите получить замечания, товарищ младший сержант?

— Ты чо! Класс!

— Давай, вымою другую стойку заодно?

— Юр, какие планы на вечер?

— С вечера, Сашок, я буду нести службу в карауле!

Потом был обед.

Начальником караула и на сей раз был опять Вовка Журавлин. Собственно его сунули в наряд, чтобы он не набрался в этот предвыходной вечер. Тем более что ответственным по эскадрилье был Хотеев. Почему такая доля выпала в воскресные дни мне, понять я был не в силах. Хотеевскую проверку я прошёл. И как считаю, успешно – комар носа не подточит! Но, судя по всему, без Галаги здесь всё же не обошлось!

Несмотря на наряд, в который заступаю, интересуюсь, какой будет вечером фильм¹? Это традиционный вопрос. Но к нему есть и традиционные ответы. Сразу послышались в строю выкрики:

— «Не ходила бы гулять, не была б пузатую», — первым бросает Женька Щербак.

— «Взрыв татарского лаптя», — «фильм» с таким названием очень любит Витя Самойленко.

— «Яйца над пропастью», — цедит сквозь зубы мой товарищ по несчастному субботнему караулу Володя Ласетный и добавляет: — Иди смотреть быстрее, не то оборвутся!

— «Не свисти в худую варезку», третья серия! — заключает Вовка Журавлин.

Перед самым заступлением с Вовиком Ласетным идём в столовую. Разумеется, без строя: нам можно, нам и так не повезло. Даже Ёсипов в таких случаях предпочитает «не замечать» это нарушение.

Немного погодя, в обеденный зал влетает Хотеев. Глянув на меня и мой подсумок [для патронов] у пояса, он вопрошает:

— Ты, сынок, ещё не в наряде?

— Уже заступил, — откликаюсь я.

— Это у тебя третий? — продолжает он диалог.

— Как, «третий»? С самого начала, что ли?

— Нет, последние.

— А, да, третий!

— Осталось совсем немножко сходить, — игриво утешает он меня. —

Восемнадцать раз! А сейчас наводите в карауле порядок и готовьте вазелин. Я приду проверять. Учтите, буду карабины забирать!

На меня нашло какое-то игривое настроение. Я подошёл к его столику:

— Товарищ капитан! Хотите пари?

— Ты же знаешь, я не люблю болтливых!..

Останавливаю его жестом. Мол, понятно, и это меня не интересует. Может, я не люблю молчаливых, однако же, не вешаю их на каждом суку.

— Нет, я серьёзно! Давайте так! Держу пари, что, пока я нахожусь в караульном помещении, вы не сможете не то, чтобы стащить карабин, но даже совершить такую попытку. Учтите: я [стою на посту] – во вторую смену!..

Через несколько минут КЗ встаёт из-за столика и направляется к выходу. Потом вдруг возвращается: забыл свою фуражку.

— Вот курсант пошёл! — говорит Равиль, обращаясь к официантке. — Фуражку стащил! Вот курсант!..

Я улыбнулся. Это его обычная шутка, когда забывает свою «голову».

Не спеша, поужинали с Вовиком. Не спеша, вышли из столовой. До восьми было ещё 15 минут. И мне надо было ещё побриться.

У казармы наши строились на ужин. Ловлю на себе несколько любопытных и смеющихся глаз.

«В чём, интересно, дело?» — думаю.

Перед строем парит грозный Хотеев. Он проверяет и пересчитывает людей.

Я уже было прошёл мимо, когда услышал шёпот нескольких человек.

— Что? — остановился я.

Коля Волокин кривит рот в мою сторону и, не поворачивая головы, шепчет:

— Ка-ра-би-ны у дне-валь-но-го!

Всё стало ясно. Я даже присвистнул. Пока мы доканчивали трапезу, Хотеев успел «увести» карабины из караульного помещения из-под носа ничего не подозревающего Журавля. Паскудно, конечно, выходит: что это за караул, который так легко разоружить?! Нам сейчас только не хватает команды: «В ружьё!»!..

Иду к казарме.

— Кручинин, стой!

Оборачиваюсь.

— Иди сюда! — командует кэээ. — Становись рядом! Кто тебе нашептал? — внимательно осматривает левый фланг строя. Но, заметив курсантов не из нашего звена, оставляет их в покое.

— Товарищ капитан, мне побриться надо! Через 10 минут заступаю [на пост].

Равиль критически осматривает мои щёки.

— Галага, принеси сюда карабины!..

— Есть! — лыбится Пётр. Он всегда с удовольствием выполняет приказы, подставляющие других.

— А теперь иди, брейся!

Около дневального вижу Ласетного.

— Что же ты не свистнул [т.е. не вернул наше] оружие?! — набрасываюсь я на него.

— Понимаешь, возьми я стволы, человеку конец пришёл бы! — указывает он на Ерлака, дневального по эскадрильям.

«Так уж и конец!» — подумалось мне. Но вместо этого понимающе тяну:

— Иди хоть Птице [в смысле, Журавлину] скажи! <<•>•••<•>>

— Ну что, е*и вашу мать? «Не смогу стащить карабины»? — встречает меня чисто выбритого Хотеев у входа в караулку.

— Не было выдержано условие до конца: меня ведь не было в караульном помещении!

— Зато, бл*дь, оружие у вас тащить легко. Я перелез через забор и...

— Грубая работа, товарищ капитан! «Я-я», «переле-ез», «стащи-ил»! Вспомните: вы сами мне как-то говорили: «Я никогда не лезу через забор. А приказываю курсанту это сделать».

Хотеев не может сдержать улыбку:

— Злопа-амятный, еб*на вошь! — тянет он.

— Причём тут «злопамятный»? — пожал я плечами.

Мы входим во внутренний дворик караулки.

— Ну, что мне с тобой делать? — вопрошает Равиль у Вовки Журавлина. — Второй раз! И у тебя второй, — оборачивается он ко мне.

— Нннет! Тот раз я стоял на посту под Знаменем, когда дежурный по полку увёл карабины. Опять меня не было в караулке! Однако это не помешало комэске объявить мне выговор и записать его в карточку.

— Никому тогда не записали.

— ?

— Я просил! Ну что, на губу вас всех посадить? Журавлину десять суток, там добавят ещё десять и ещё пять. Кручинина — на пять суток, там — десять и пять. Ну, и этого... Как тебя? Во-во, Ласетный... Нет, лучше скажу твоему кэзэ! Пусть сам разбирается, пусть учтёт при планировании полётов!.. Что лыбишься? Думаешь, не скажу?

— Я и не сомневаюсь, что скажете! — пожимает плечами Ласетный

— И скажу! А вы думали, как? А если б, не я, а колхозник залез?! Это же, бл*дь, подсудное дело! Тебя бы, Журавлин, сразу упекли! На сколько, знаешь?

— На много...

— Правильно, даже ещё больше! Что вы, в самом деле?! Будете вдвоём ходить в караул и только! Ещё долго будете. Знаете, за что сегодня?

— Знаю, — кивает Вовка.

— Не знаю! — решаюсь я.

— Не зна-аешь?! — угрожающе вглядывается Хотеев.

— Разве что, на планировании герметизировал заднюю кабину?

— Да... И не только за это! Постой, а разве этого мало? Думаешь, мне охота после твоих похорон выслушивать крики родителей, что, мол, все вы — убийцы!?

— И то правда. Вы правы...

— Но ты здесь не только поэтому!

— А почему ещё?

— ...Сам знаешь!

— Не знаю!? — задумчиво говорю.

— За... инструктора! Да! За него! Ты кричал, что он тебе не нужен!?

— Ложь! — почти выкрикнул я. И тут же начал успокаиваться: — Да ведь это враньё! А вы поверили?

— Ой, бедняжка! Оговорили тебя!

— Не думал, что вы такой легковёрный! Ни от одного курсанта я не слышал таких заявлений!

«Галага! Это мог сделать только этот подонок!» — успеваю подумать я.

— И ещё ты здесь за язык свой! Будущее у тебя плохое. Так и будешь всю жизнь в лейтенантах ходить!

— Тогда плевать мне на будущее. Лишь бы настоящее было хорошее! Ну, и ч-ч-чёрт с ним, со званием! Буду, как капитан Барановский² на Ли-2. Зато летать!

— Ли-2! Никакого продвижения [по службе]!

— Ну и ладно! Зато летать!!

— Застоявшаяся вода! Уровень на прежнем месте. Мозг без тренировки быстро зачихнет. Как у меня, вечного инструктора. Не будешь повышать свои знания. Ты-то сейчас, пока тебя учат, повышаешь. А я – нет!

— Зато через год в испытательском центре будете повышать. И потом, вы ведь учитесь в университете!..

— Так что же с вами делать? Ладно, посмотрим, как будете нести службу дальше. Пусть это будет для вас уроком не только на сейчас, но и на всю службу. — Он пошёл к выходу, потом обернулся: — И офицерами тоже!

«Офицерами! Как это ещё долго!» — подумалось мне.

Чуть позже узнаём, что карабины по наущению Хотеева увёл курсант Чёрлый, из первой аэ – человек, которого наш КЗ наказать не мог. Да и к тому же, мог ведь сказать, что его засекли!

Журавель принародно возмутился:

— Ишь, с-сука, прыть свою показывает! На своих гадит! В морду дать ему, что ли?

А я думаю о Хотеевских словах. Зачем же Галаге меня подставлять перед командиром звена? В чём, интересно знать, я настолько дорогу ему перешёл, что он не останавливается даже перед клеветой? А главное, зачем это ему нужно?

Вд

огонку:

••>> *Некоторые начинают мстить раньше, чем их успели обидеть.*

Веслав БРУДЗИНСКИЙ
Qui vivit, verit!

<<•>> *Если от любви до ненависти один шаг, то стоит ли его делать?* Кто-то из современников

<<•><•><•>>

<<•>>

Ложь, в отличие от правды, не имеет границ.

Меткое замечание

<<•><•><•>>

<<•>>

Люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость.

Николло МАКИАВЕЛЛИ

<<•><•><•>>

<<•>>

— Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю верно б они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнью, но и совестью, и благополучием тех, которые...

Александр Сергеевич ПУШКИН, «Капитанская дочка»

<<•><•><•>>

<<•>>

— Ты скорее, веришь в эгоизм, чем в любовь!

□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□ — *Любовь...* Из америк. худ. сериала «Андромеда» <<•><•><•>

>> <<•>

>>

— Виселица никогда никого не делала краше. Она просто превращала живых негодяев в мёртвых.

Из худ. к/ф-ма «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо»

<<•><•><•>>

<<•>>

— Простите! Вы – самодовольный гад и сделали всё, чтобы вас терпеть не могли. Вы караете невиновных!

□□□□□ — *Давай уже к оправдательной части!* Из америк. худ. сериала «Доктор Хаус»

<<•><><•><><•>>

Вечером Хотеев попытался использовать старый приём.
...Все мы сидели в комнате бодрствующей смены, когда за забором послышались чьи-то шаги. И голос Хотеева. Он кому-то внушал:
— Перелезешь и всё!
— Товарищ капитан!..

— Тихо, ё*! Вперёд!

Вместо «тихого вперёд» этот кто-то – им оказался Витя Шинкович – сильно и с шумом рванул на себя калитку. Да так, что забор, не вкопанный в землю, зашатался и, если б упал, то, безусловно, придавил бы их обоих!

Журавель выбежал Рексом. За ним следом выскакиваю и я, не забыв выхватить из пирамиды карабин и на ходу сунуть в обойму патроны, загнать патрон в ствол, снять предохранитель и примкнуть штык. Вовка, обернувшись и заметив мою готовность, скидывает крюк с калитки и распахивает её. Я беру СКС наизготовку.

Оценив ситуацию, КЗ поворачивается к Шинковичу:

— Ты чего шумишь? — наступает он на Витьку.

— Да я не хотел! — не может сдержать улыбку тот.

— Ты чего шумишь!

Вовка пытается закрыть калитку, но она под нажимом Хотеева снова распахивается. Я всё ещё на прицеле попеременно держу то Хотеева, то Шинковича, переводя ствол с груди одного на грудь другого.

— Иди! — кивает Равиль Шинковичу. — Я с тобой после разберусь!

И тот уходит, улыбаясь самому себе.

•>> [Витя Шинкович... Через несколько лет после выпуска, уже будучи капитаном и начальником ПДС⁴ полка, он вместе с членами комиссии сядет на вертолёт, чтобы лететь к месту гибели своих товарищей. Но вертолёт так и не прибудет к цели своего маршрута! За несколько километров, зацепившись за высоковольтные провода, он упадёт на землю и загорится. Все, находящиеся на борту, погибнут! Экипаж вертолёта... Члены комиссии... И Витя Шинкович...]

Но это будет через шесть лет. А сегодня, читая свои курсантские записки и вернувшись мысленно в далёкий и славный 1972й год, глядя вслед уходящему Виктору, мне хочется закричать страшным криком:

— Витя! Не надо тебе становиться лётчиком! И будешь жить долго! Слышишь?!

Нет! Не услышит он меня из сегодняшнего дня! Витя шёл к казарме, улыбаясь себе, довольный, что не подвёл товарищей...

И я снова возвращаюсь в своё курсантское прошлое. Боже, какое же оно с этой точки зрения безоблачное!..] << ••

Заметив меня с оружием, готовым к стрельбе, Хотеев тихо, но с нажимом говорит:

— Опустит карабин!

Продолжая держать постороннего на прицеле, спрашиваю:

— Начальник караула, что делать?

— Ладно! Отставить! — обернулся Журавлин.

И я поднимаю ствол.

— Заряжен? — спрашивает кэзэ.

— Не без этого, — неопределённо отвечаю, и ставлю предохранитель под спусковой крючок.

После этого начальство с напускной строгостью глядит каждому из нас в глаза:

— Ну! Как тут у вас? Порядок?

— Стараемся, — ухмыляюсь я, отмыкая от ствола штык. Затем на станке, пока кэзэ поднимается по ступенькам в караулку, разряжаю оружие.

— Опять, бл*дь, в этой комнате никого не было?

— Как так, все были здесь! — улыбается наш начкар.

— Ннну-ну!

Командир звена поворачивается на каблуках и осматривает замшелое караульное помещение. Кинул свой строгий взгляд на зашарпанный стол, где были свалены в кучу уставы, наши книги, журналы, взятые нами в библиотеке, недописанное Вовкино письмо.

— Кручинин! А ну, навести здесь на столе порядок!

— Есть! <<•>•••<•>>

...Я стою на посту у Боевого Знамени полка. Карабин СКС с примкнутым штыком стоит в положении «у ноги». Он заряжен, в его обойме десять боевых патронов калибра 7,62. Я готов к бою по защите полковой святыни. Коридор хорошо просматривается, подкрасться к посту, незамеченным, практически невозможно. Если, конечно, часовой не спит. Но я никогда не сплю на посту! Можно, наверное, резко рвануть скрипучую входную дверь в штаб и попытаться метнуться ко мне в надежде на внезапность и что часовой растеряется, не успеет передёрнуть затвор, снять с предохранителя, прицелиться и выстрелить на поражение. Но уповать на то, что я не успею изготавиться и промахнусь – глупо. Я уже неоднократно мысленно это проделывал. Коридор штаба – узкий. А стреляю я отлично! Из 30ти выбиваю все 30ть, из 60ти – 58м, из 100 – 95ть! Где ты, враг и диверсант? Рука у меня не дрогнет!..

Но всё спокойно. Всего лишь пять минут шестого. Самое время сна! Дежурный по полку дрыхнет у себя в комнате, даже храп его сюда доносится. Помощник дежурного курсант Елельянов из первой аз прикорнул на стуле у входа, скрестив руки, уронив голову на грудь и вытянув свои ноги у порога. Последнее весьма кстати: если кто-либо и рванёт от двери ко мне, обязательно запутается в длинных ногах Елельянова!

...На посту в ночной тиши уютно думается. Многое можно вспомнить. Но вспоминать лучше приятное. Чернухи хватает и в настоящем. Помнится, как в школьные годы мечталось о курсантской жизни в лётном училище! А теперь нет-нет, да вспомнишь по-своему интересные школьные годы. <<•>•••<•>>

...Школа! Кто из нас не помнит её – со строгими учителями и верными товарищами, с удачами и неудачами на учебном поприще и весёлыми историями, случившимися с нами или закадычными друзьями?!

Пройдёт много времени. Пройдут годы и десятилетия. Но иногда нет-нет да промелькнут в памяти те безмятежные дни, которые всегда будут вспоминаться с какой-то давящей грустью. Ибо ушедшего уже не вернёшь, сделанные ошибки не выправишь, а сказанное слово не заменишь. Да и чужую судьбу, так безрассудно доверенную тебе, и твои поступки в этой судьбе тоже не исправишь.

Но всё же, школьные годы... Казалось бы, отдал всё, чтобы их вернуть, чтобы иные страницы пережить набело. Но в мире нет таких ценностей, за которые можно было бы купить это счастье, так не ценимое сейчас нынешними старшекласниками...

Как это получилось? С чего всё началось?

Дым воспоминаний уносит меня в далёкое детство, к девочке-сверстнице, которую знал ещё в 1-2х классах. Она училась в параллельном классе «Б» нашей школы, была отличницей, имела, как теперь хочется сказать, тонкие черты лица и в неё поголовно были влюблены все мальчишки. Хотя в те годы это вряд ли можно было назвать любовью. Просто она всем нравилась. А спроси нас тогда – почему? – мы толком и объяснить-то не смогли бы...

Потом неожиданно её родители переехали в другой район города, Танечка Буслаева перешла в другую школу. След её был потерян. Симпатия со временем ушла. Чувство, помнится, с трудом забыто.

И только спустя семь лет, когда вдвоём были в девятом классе, в обществе «Знание» на лекции по математике, мы встретились снова. Я узнал её сразу. Ещё бы, ведь в свои восемь лет эту девчущку я тогда боготворил! А она – нет, даже не обратила на меня внимание. Сидела, слушала молодого доцента в квадратных очках, вела конспект, переговаривалась с подругой.

А подружка, которая, по-видимому, пришла на лекцию только ради компании, сидела рассеянно: то писала, то вяло перелистывала свою до удивления тоненькую тетрадку.

Желая обратить на себя Таничкино внимание, я решил начать с подруги. Наклонившись к ней, я отпустил что-то смешное насчёт очков доцента. Моя соседка коротко хохотнула, взглянула на меня и опять полистала свой конспект. На мгновение мне открылся титульный лист. Этого было достаточно, чтобы прочесть: «Тетрадь по математике». И сверху: «Лиза Незнамова».

Очень быстро мы нашли общий язык. У нас завязалась беседа. Елизавета скороговоркой отвечала на мои вопросы, рассказывала о себе, своей школе и другую всякую чепуху. Ответы её были какими-то длинными и потому, наверное, казались бестолковыми. Вряд ли она остановилась бы, если б я её не прервал:

— Ну вот, теперь я о тебе знаю всё!

— Всё? — Она недоверчиво улыбнулась: — А имя даже не спросил!

— А мне не надо об этом спрашивать. Я его знаю.

Она оценивающе взглянула на меня:

— Тоже мне, волшебник!

— О, нет! Я не волшебник, а только учусь. И знаю немного Белую магию.

Лиза снова усмехнулась. Весь её вид говорил о недоверии.

— Тебя зовут Лизой.

— А вот и нет!

— Фамилия... Незнамова.

— Послушай, откуда ты всё это знаешь?

— Я же сказал: изучаю Белую магию...

— Молодые люди! Я вам не мешаю? — обращается к нам доцент, поправляя свои квадратные очки. И мы до самого перерыва затихли.

А вот и долгожданная перемена. Вокруг нас захлопали крышками столов будущие абитуриенты.

— Слушай, — обратилась ко мне Лиза, которая всё время, оставшееся до перерыва, то и дело поглядывала на меня. — Я никак не могу вспомнить, где я могла тебя видеть?

— Нигде! Клянусь честью: сегодня я тебя и ты меня видишь впервые!

Она хотела ещё что-то сказать, но я протестующе перебил:

— Магия. Только Белая магия.

— Ах, магия! Тогда угадай имя моей подруги! С трёх раз...

— Ты меня обижаешь. Ты обижаешь всю нашу науку! Зачем с трёх? Я обязан это делать с одного раза... Позвольте вашу руку⁵, мадмуазель? — обратился я к Танечке, стоявшей рядом и прислушивающейся к нашему беспредметному разговору. — Нет-нет,

не правую, левую. Для магии важны линии той руки, что ближе к сердцу. Но предупреждаю сразу, что о будущем, которое увижу, говорить вслух не буду.

— Это ещё почему? — спросила Танечка, принимая игру.

— Видишь ли, есть судьбы счастливые, а есть жуткие. Человек, узнав о своей трагической кончине, не выдерживает, может кончить жизнь самоубийством. Особенно, если это душевно слабый, впечатлительный человек...

— Ну, а о счастливой судьбе? Почему ты о ней не можешь сказать?..

— Нельзя. Ведь ты будешь ждать от меня ответа. А, ежели твой удел – несчастье, я должен промолчать. По отсутствию ответа ты или другой поймёт о своей трагической судьбе. А так – молчит в любом случае. И мой собеседник остаётся спокойным...

— Ну, хорошо! — Таня протягивает мне свою левую кисть, а я занялся тем, как поэффективнее преподнести всё, что я о ней знал.

— Итак, меня зовут...

— Тебя зовут... Таня!.. Погоди, погоди... Что это? Не может быть!..

— Минуточку! — уже серьёзно сказала Танечка. Она всё ещё не могла поверить. Что кто-то может по линиям руки что-то определять. — Ты не назвал мою фамилию...

— Фамилию?.. С фамилией потруднее. Чёрт, линии все очень интересные и я не могу сосредоточиться... Твоя фамилия начинается на букву «П»... нет, «Б»! — и я посмотрел ей в глаза. В душе я улыбался, но внешне я был сосредоточен и строг.

— Фамилия... — бормотал я. — Богатырёва... Богачёва... Батырова... Борисова... — я усиленно вспоминал все возможные фамилии, которые знал на букву «Б». — Букова... Буслаева... Букреева... Брускова... — Потом театрально махнул рукой: — Пожалуй, Буслаева!

— Ой! — ужаснулась рядом Лиза.

— Правильно! — глаза Татьяны выражали растерянность.

— Теперь о твоём прошлом... Знаешь, я ещё не полностью прошёл курс и потому могу ошибиться. Может, не стоит?

— Нет-нет, давай попробуем!

— Если ты так хочешь... — и я призвал на помощь весь арсенал своей недюжей памяти. Сейчас мне надо было вложить в свои уста многое из того, что знал. Но кое-что необходимо было оставить про запас. — Твой отец – инженер-электронщик... любил твою маму... Да, ты родилась от любви в далёком тысяча девятьсот пятьдесят... третьем году... здесь, в Харькове. — Протестов не последовало, значит, импровизация «Харьков» прошла. — Долгое время вы жили где-то в центре, пошла в школу... Проучилась в ней... О, ты была отличницей! Проучилась в ней до пятого... — Таня хотела что-то сказать, поправить («Знаю, знаю, милая, — подумалось мне, — чуточку терпения и тебе нечего будет исправлять у меня»). И я для себя сделал отметку, что именно такое выражение лица будет у этой хорошенькой девчонки, если я в чём-то ошибусь. — Нет, я оговорился – до третьего класса. Приехали семьёй сюда... Да, вы живёте где-то недалеко отсюда, в этом районе, на Павловом Поле... Сейчас – в предпоследнем классе...

— А школу, в которой я училась раньше, ты бы мог назвать? Нынешнюю ты мог узнать от Лизы.

На мгновение мне показалось, что я разоблачён. Но широко раскрытые глаза (о, эти чарующие очи!) говорили об обратном.

— Это очень трудно. И не по моей части.

— Попробуй, прошу тебя!..

Ей хотелось мне поверить. Очень хотелось! Она искала подтверждение моим нечеловеческим способностям. Нельзя было дать ей разочароваться.

Я снова взял её руку. Провёл пальцами по линиям руки, нахмурил брови.

— Нет. Линии твоей судьбы хранят об этом молчание. Это можно по глазам. По твоим мыслям... Но я недостаточно обучен...

— Попробуй! Пожалуйста! — прошептала она.

— Хорошо. Я попытаюсь. Но могу ошибиться. Предупреждаю сразу... Думай об этой школе!..

Я сделал усилие над собой, чтобы не рассмеяться и не рассказать о своих «способностях».

— С-с-с... — я медлил и вдруг, будто решившись, намеренно сделал ошибку: — Сто восемьдесят вторая! Правильно? — и тяжело, деловито сглотнул комок.

Глаза девчонки раскрылись ещё шире:

— Нет, номер моей первой школы – восемьдесят два, но я, проверяя тебя, думала именно о сто восемьдесят второй! Это феноменально! А... А будущее? Тебя что-то испугало? — она посмотрела на свою ладонь.

— Нет, но я увидел в линиях руки человека, которого... Нет, я ошибаюсь... Мне показалось, я увидал себя. Прости меня, пожалуйста!.. О! Звонок! Перерыв закончился!

— Но ты ещё почти ничего не сказал о моих родственниках.

— О родственниках – это не Белая, а Чёрная магия. А сейчас можно только предполагать о том, кто из близких у тебя ещё есть... Таня, прошу тебя, не смотри на меня так! Ты так безрассудно, доверчиво смотришь мне в глаза, что я начинаю читать все твои мысли, даже не держа тебя за руку.

— Ты действительно можешь угадывать их?

— Немного. Поверь, это не трудно. Просто надо знать, как настроиться на флюиды собеседника («Ух ты!»), потренироваться, вот и всё!

— О чём же я сейчас думаю?

«Чёрт возьми! Этого только ещё не хватало! — подумалось мне. — Вот влип! Доболтался, обормот?!»

И, чтобы как-то перевести разговор в контролируемое мной русло, сказал:

— Меня зовут Юрий!

— Правильно, я хотела узнать твоё имя... Поразительно!

«Ничего себе!» — успеваю подумать я. Пожалуй, я был поражён не менее, чем моя собеседница, но быстро сориентировался:

— Не стоит меня больше проверять. Я уже начинаю жалеть, что начал весь этот разговор с Лизой. Кстати, где она?

Елизаветы нигде не было.

— Наверное, пошла в аудиторию.

— А тебе, ей-богу, идти туда расхотелось!? — будто спрашивая, проговорил я.

— Слушай, Юра, с тобой опасно знаться: ты, оказывается, действительно читаешь мысли! А говоришь – «Только учусь».

— Чтобы ты сказала, если бы я тебя познакомил со своей бабушкой! Это настоящая колдунья! От неё ничего нельзя скрыть: ни правду, ни ложь. Хотя, впрочем, никакого колдовства нет. Просто она отлично знает практическую психологию и логику поступка!

— И ты?

— О! Я ей даже в подмётки не гожусь... Пойдём?

Мы спустились в вестибюль, к раздевалке. Я помог своей спутнице одеться.

Заправляясь у зеркала, она вдруг повернулась резко к лестнице, ведущей наверх, и замерла в нерешительности.

Я среагировал мгновенно:

— Ничего-ничего. Лиза захватит твой конспект.

И снова я поразился собственной догадливости. Что ж вообще говорить о моей Тане? До нашей встречи она считала, что такое может быть только в сказке. Но когда сказка на твоих глазах становится былью!..

Мы вышли на улицу и медленно зашагали по проспекту. Говорили о всякой всячине: о литературе, об искусстве, в котором, кстати, Таня оказалась докой, об архитектуре, о демографии.

К счастью, все эти темы были и мною любимы – одни больше, другие меньше. Так что, и здесь я не ударил лицом в грязь! Да и интересно мне с ней было.

— Вот мы и пришли! — сказала устало Танечка у одного из высотных домов. Но лицо у неё было такое, как тогда, когда пытался «угадать», до какого класса девочка Таня училась в старой школе.

«Тут что-то не то!» — подумал я и огляделся вокруг. Потом «испытующе» посмотрел ей в глаза:

— Ты живёшь не здесь! Это не тот подъезд? — проговорил я, вглядываясь в самые её зрачки. И по глазам понял: я не ошибся!

— Юра, от тебя ничего не скроешь! Ты не собираешься после школы устроиться в какую-нибудь клинику рентген аппаратом?

— Таня, я же просил: не надо меня проверять!

— Ты обиделся?

Я покачал головой.

Мы перешли к следующему подъезду и вошли в него.

— Таня! — она обернулась. Я подошёл к ней близко-близко и до боли попытался заглянуть ей в глаза. — Ты не хочешь познакомить меня со своим... старшим братом?

Губы у неё задрожали:

— Как его зовут?

Это была ловушка! Я её ощутил всеми фибрами своей души. Скажи я, что имя его – «Юрий», и она могла подумать, что я с ним знаком.

— Не знаю... Но мне кажется, ты зовёшь меня.

— Юра!

— Что? — я притворился непонятливым.

— Его тоже зовут Юрием!

По моему лицу моими же усилиями пробежала тень, затем до меня будто бы «дошло». А она снова решила, что я читаю мысли. Да, эта игра меня начинала забавлять!

«Как мы будем смеяться, когда я ей всё расскажу!» — думал я.

Девичье лицо с очень красивыми глазами было совсем близко. И эта близость возбудила во мне желание её поцеловать. Я поймал себя на мысли – хочет ли она этого?..

— Танечка!.. — я сделал движение к её губам.

И не успел продолжить. Она прикрыла глаза, положила руки мне на грудь и

потянулась мне навстречу.

Мне захотелось прекратить всё это, засмеяться и сейчас же рассказать обо всём. Но тут подумал: «А почему бы и нет!? Взрослый парень... Сколько я ждал этого... Такая красивая девчонка!..»

Я приблизил к ней своё лицо. Как и она прикрыл глаза. И на своих губах ощутил своё дыхание. Поцеловал так, как видел много раз в кинофильмах. Потом ещё, ещё. Ещё... Целовал губы, уголки рта, эти глаза с длинными ресницами, снова глаза. И снова – очень нежно! – губы.

А она всё шептала:

— Ещё! Ещё! Ну, пожалуйста, ещё!..

В это время на первом этаже хлопнула чья-то дверь. И Танечка отстранилась от меня. Мимо нас прошла пожилая женщина. Таня проводила её таким взглядом, что, казалось, будь на плече у женщины хотя бы пятнышко бензина, оно бы вспыхнуло ярким пламенем.

Когда женщина скрылась за парадной дверью, Таня посмотрела на меня своими большими серыми глазами. Она будто хотела на что-то решиться. Я должен был угадать. Но что?

— Ты замёрзла?

— Пойдём ко мне, чаем или кофе угощу!..

— Танечка, я не знаю, удобно ли это?

— Удобно, удобно!..

Вдогонку:

••>> *Если мужчина никогда не лжёт женщине, значит, ему наплевать на её чувства.*
Один из постулатов психоанализа

••>> — *Я мечтала услышать от вас слова любви...* Из худ. к/ф-ма «Последний бой Казановы»

••>> — *Я совсем потерял голову, Брэнда! Я мечтал о тебе с тех пор, как стал мужчиной! Когда я был ещё подростком, я искал тебя! Потом я побывал во многих городах, повидал всю Америку, был во Франции, Германии, Корее. Я знал многих женщин, но сейчас ни одной не помню. Ты стёрла все воспоминания! И если мы с тобой всегда будем вместе, наверное, я пойму самого себя! По правде говоря, я давно уже перестал надеяться на это!..*

ГДР (1964 г.)

Из худ. к/ф-ма «Лисы Аляски», к/ст. «Дефа»,

<<•>•••<•>>

Магнитом отмотать... в Англии - следы от БИРС...
...женского...
...между двумя...
...своего...

...вы можете не только в...
...страницы...
...авторов...